

Исторические документы

Два фельетона Аркадия Аверченко

В тот год, когда он вместе с остатками врангелевской армии навсегда покинул Россию, ему исполнилось 39. Способнейший сатирик умирающей Российской империи, Аркадий Аверченко был столь известен, что – в отличие от большинства российской эмиграции – без труда устроился за рубежом (но через пять лет умер от болезни сердца).

Сын небогатого севастопольского купца, Аверченко – из тех, кого именуют интеллигенцией. Всю жизнь он был "пролетарием умственного труда", хотя и весьма далёким от пролетария по уровню жизни. Ценитель ресторанных деликатесов. В сборнике "Дюжина ножей в спину революции" (опубликован в эмиграции) с тоской, как самое светлое время, вспоминал дни Манифеста 17 октября.

Ваша задача – примерно датировать фельетоны, исходя из их содержания. Какой из двух написан раньше? Не раньше какого и не позже какого времени написан каждый из них? Суждения обоснуйте. Высшая оценка за эту работу – пять баллов.

Аркадий Аверченко

Мой разговор с Николаем Романовым ¹

(Из воспоминаний)

Однажды в начале мая 1916 года (числа точно не помню), я был приглашен по телефону приехать в Царское Село.

Звонил адъютант бывшего царя, граф Чубатов:

– Государь очень хочет познакомиться с вами; приезжайте завтра утром запросто. Форма одежды – жакет.

На другой день ровно в 12 часов утра я встретился с царем на усыпанной гравием дорожке сада, примыкающего к царско-сельскому дворцу.

– Вот вы какой! – приветствовал меня Николай. – Я думал, вы старше.

– Это и для меня удивительно, ваше величество, – возразил я, – как я еще не превратился в дряхлого старика? При наших дурацких порядках человек в 20 лет может колесом согнуться!

– А что? – насторожился царь, бросая на меня недоумевающий взгляд исподлобья.

– Цензура душит. Прямо сил нет.

– Неужели? Я об этом и не знал, – мягко заметил Николай (вообще, в обиходе он был чрезвычайно мягок и вежлив).

– Ну, как же. Прямо дышать нельзя.

Почему-то этот разговор был ему не совсем приятен. Но он не показал виду и деликатно перевел разговор на другое:

– Читал ваши сочинения. Мне нравятся. Много есть смешного.

Я тоже читал его произведения: манифесты, рескрипты и прочее. Но мне они не нравились, хотя в них было еще больше смешного, чем в моих рассказах.

Конечно, я не сказал этого вслух, но про себя подумал: "А что, если поговорить с ним о делах российских совершенно откровенно, по душам, без утайки, называя вещи своими именами, критикуя все плохое и без уверток освещая все недостатки?"

Правда, для беседы с царем это была не совсем удобная тема, и от нее за версту несло бестактностью, но я подумал: "Мы здесь только вдвоем, нас никто посторонний не слышит, а если

¹ Эта фантазия имеет и действительную подоплёку. Николай II как-то (кажется, ещё до войны) приглашал Аверченко в Царское Село. Конечно, не для того, чтобы выслушивать советы по управлению государством – просто хотел с женой и детьми послушать его рассказы в авторском исполнении. В то время главный редактор "Сатирикона" ещё не высмеивал монархию и тяготел к бытовым зарисовкам. Но от приглашения отказался, сославшись на болезнь.

бы даже что-нибудь и вышло, то я могу от всего отпереться. Знать, мол, ничего не знаю, ведать не ведаю, а с царем беседовал только о жаркой погоде и о разведении шампиньонов".

Поди-ка потом докажи, что нет.

– Ваше величество! – воскликнул я в приливе какого-то неукротимого неожиданно нахлынувшего экстаза. – Позвольте мне поговорить с вами откровенно!

– Сделайте одолжение, – спокойно сказал Николай, протягивая мне портсигар. – Вот скамеечка – присядем. Ну-с?

– Ваше величество! Конечно, не мое дело вмешиваться, но я должен сказать: с правительством у вас что-то неладное!

Он слегка поднял одну бровь и характерным, одному ему присущим движением, потянул книзу ус:

– А что?

Да как же! Неужели, вы сами не видите, ваше величество?! Разве это министры? Дурак на дураке, жулик на жулике!

Он снисходительно улыбнулся в ус.

– Вы еще очень молоды, Аркадий Тимофеевич, чтобы судить их. Уверяю вас, это все достойные люди.

– Ну, полноте – достойные! Вся Россия стоном стонет от этих достойных людей. Думу они совершенно игнорируют, продовольствие расстраивается, армия воюет почти голыми руками, внутри страны все задавлено – народ ропщет – неужели вы этого не знаете?!

– Нет! – резко, почти грубо воскликнул он.

– Так знайте! – разгорячился и я в свою очередь. – Должны же вы знать об этом! Не забывайте, что вас называют Помазанником. Не зря же вас мазали, прости Господи!

– Конечно, не зря, – пожал он плечами. – Григорий Ефимович говорит, что на мне почиет благодать Божия.

– Свинья он, ваш Григорий Ефимович, – отрывисто сказал я. – Послушайте, дорогой мой, ну, допустимо ли это? Возьмем того же "Григория Ефимовича", как вы его называете. Ведь вы, все-таки, царь, и Александра Федоровна царица – ну, допустимо ли, чтобы вы оба сделались посмешищем всей Европы и Америки? Ну, можно ли допускать, чтобы это грязное животное, с наружностью банщика и ухватками конокрада, бродило по вашим дворцам, заходя во все спальни, с видом своего человека?! Вы меня простите, Николай Александрович, я, может быть, говорю резче, чем нужно, но... Неужели вы сами не чувствуете всего этого?! Ведь вы человек неглупый, я знаю, и если бы не ваши подхалимы-советники...

– Да Григория я, пожалуй, прогоню, – задумчиво сказал царь, гася сапогом докуренную папиросу.

– Мало! Ваше величество – этого мало. Нужно подумать не только о себе, но и великой России!

Он опустил голову и прошептал:

– А что же я еще могу сделать? Кажется, все делаю.

Я сказал отрывисто и жестко:

– Дайте ответственное министерство!

– Но ведь тогда мой авторитет, как Помазанника Божия, будет поколеблен...

– А какой вам дурак это сказал? Наоборот, возрастет. Вы сразу сделаетесь популярным государем. Ах, ваше величество! Если бы вы знали, как легко государю сделаться популярным! Мне, частному человеку, нужно десяток лет употребить на то, чего вы можете достичь в один день. Народ добр, кроток и незлопамятен. Дайте ответственное министерство, исполните свой же манифест 17 октября (ведь обещали же) – да ведь вас на руках носить будут! Вот, теперь вы без многочисленной охраны нос на улицу боитесь высунуть, а тогда – гуляйте себе пешком по Невскому от 2 до 4 по солнечной стороне – и вы увидите, какой восторг будет вас сопровождать. Трудно вам дать, что нужно? Эх, будь я царем!

– Так вы думаете: дать ответственное министерство? – спросил царь, наморщив сосредоточенно рыжеватые брови.

– Чего тут думать! Я не индюк. Это и без думанья ясно, как палец.

– Ну... попробуем. Так и быть. Послушаю вас, а там будет видно...

Он взял меня под руку и повел во дворец.

Через 10 минут указ о назначении ответственного перед Думой и народом министерства был нами составлен и проредактирован.

Николай позвонил:

– Отправить для распубликования!

P.S. Все это было бы, если бы царь захотел со мной разговаривать и послушался бы меня в свое время.

А так как он разговаривать со мной не хотел, преклоняя, вместо этого, ухо к устам холопов, льстецов и лизоблюдов – то вот оно все так и вышло!

Пусть пеняет сам на себя.

Аркадий Аверченко
Как мы это понимаем

У мужа и жены Маниловых есть двое деток: Алкивиад и Фемистоклос.

И приехал к ним погостить знакомый господин, Ердацагин.

Если бы кто мог видеть, какая радость, какой восторг воцарился в мирной усадьбе Маниловых, когда к ним ввалился немытый, небритый, нечесанный господин Ердацагин.

– Ердацагин приехал! Наш дорогой, милый, замечательный Ердацагин! Лучшие блюда Ердацагину! Лучшие покои Ердацагину! Да здравствует свободный гражданин Ердацагин!

Вошел в отведенные ему покои Ердацагин, потянулся, смачно сплюнул на пушистый ковер и, не побрившись, не умывшись, завалился спать.

Вышел только к вечернему чаю.

– А вот наши детки: Алкид и Фемистоклос, – представила гостю деток madame Манилова. – Очень хорошие детки.

Гость критически оглядел деток и заметил:

– Лица у них только тупые. Не видал более омерзительных ребятишек. Их развивать нужно да развивать. Впрочем, я сегодня же этим займусь.

Свое обещание ретивый Ердацагин исполнил.

– Дети, – сказала мать после чаю. – Вам уже пора в постельки. Девять часов.

– Много она понимает, – усмехнулся Ердацагин. – Не ходите.

– Нет уж, им надо спать, – примирительно улыбаясь, сказала мать. – Вы уж их не задерживайте. Я пойду распоряджусь по хозяйству, а вы их отправьте спать.

Когда мать ушла, Ердацагин откинулся в кресле, заложил ногу за ногу и, сплюнув в полоскательницу, вдохновенно начал:

– Должен вам сказать, детки, что мать ваша форменная дура, а папахен – старый жалкий тюфяк. Вы только меня слушайте, детки. Вот вам, например, очень хочется спать?

Алкид подумал немного и вздохнул самым откровенным образом:

– Очень.

– А вы не ложитесь! Нарочно, из протеста не спите.

– Так ежели спать хочется!..

– "Ежели, ежели", – обиделся гость. – Вот дам тебе по морде, будешь знать "ежели"! Выкурите пару папирос, вот и не будет тянуть ко сну.

– Нам нельзя курить. Мы маленькие.

– Мы даже и не умеем.

– Учиться надо, привыкать. Возьмите у отца папиросы и курите на здоровье.

– Папины папиросы спрятаны в столе, а стол заперт.

– Подумаешь, важность. Взломайте.

Алкивиад прижался плечом к Фемистоклосу и поглядел на Ердацагина широко раскрытыми глазами.

– Как, взломать? Разве можно? Папа будет очень огорчен.

– Важное кушанье! Ведь не убьет же!

– Нет. Он нас даже никогда не бьет. Только говорит.

– Ну, вот. И пусть себе говорит, сколько влезет. Он говорит, а вы делайте. Вообще, братцы, к чорту эти церемонии! Они вас чем кормят?

– Суп, котлеты, зелень, мороженое.

– И глупо! Требуйте себе на первое битые сливки с бисквитом, на второе блинчики с вареньем, на третье мороженое, а закусить можно пряниками, что ли, или каким там мармеладом.

– А ежели не дадут...

– Вот идиоты! Так объявите голодовку! Повертятся, повертятся, да жалко станет и сделают все, что хотите!

– А что нам утром делать? – робко прошептал покорный Фемистоклос.

– Утром? Шумите побольше. Хорошо также разбить парочку ваз. Учителя обзовите ослом. Поняли? Будет исполнено?

– Путет, – потупясь, прошептал Алкид.

– Нет ли у вас дохлых кошек?

– Нету.

Тогда убить надо. Убейте и суньте отцу под одеяло. Ползет он в кровать, ан там кошка. Развеселое дельце, а? Да?

– Та... – согласился еще более оробевший Алкид.

– А теперь айда, взламывать стол!!

Утром на другой день супруги Маниловы и гость Ердацагин встретились за чайным столом.

– Каково изволили почивать? – приветливо осведомился Манилов.

– Не твое дело, буржуазная морда, – твердо парировал гость. – А ты как дрыхал?

– Да знаете, не совсем хорошо. Кто-то взломал у меня ящик письменного стола, утащил все папиросы, а под одеяло в спальне засунул дохлую кошку.

– Правильно. Твои же дети и сделали. Я их научил.

Манилов кротко вздохнул и укоризненно покачал головой.

– Нехорошо вы это делаете... Приехали в наш дом, мы приняли вас, как самого дорогого гостя, как родного, а вы нам детей портите.

– С тем и возьмите, – ухмыльнулся Ердацагин. – Хочу нынче подучить твоих щенков, чтобы ни к вечеру амбары подожгли, а в ванной комнате отвернули все краны.

Манилов побледнел:

– Неужели, вы это сделаете?!

– Не ори. Конечно, сделаю. Пусть ребяташки веселятся.

– Но ведь в амбарах хлеб! Он сгорит!

– Чорт его дерит. Зато мне ночью светлее будет.

Жена Манилова опустила голову и глубоко вздохнула:

– Ах, как это нехорошо. Вы этим нанесете нам вред. И то уже сегодня дети, благодаря вам, делали Бог знает что: перебили посуду, побросали книги в огонь, а старшенький утащил бутылку вина и выпил ее. Теперь с ним нехорошо.

Ердацагин выслушал, покачал головой и сказал:

– Добре. А кстати: пришлите мне вашего кучера, повара и дворника. Хочу им кой-чего посоветовать...

– Именно?.. – вздрогнул Манилов.

– Хочу сказать, чтобы они утопили вас в пруде.

Madame Манилова, поднялась с места и сказала покорно, хотя в голосе ее слышалось страдание:

– Хорошо... Я, конечно, их вам позову – и повара, и кучера, и дворника... И вы им можете приказывать, что считаете необходимым. Но должна сказать вам за себя и мужа: нехорошо все это. Незакономерно. Мы, конечно, слишком гостеприимны для того, чтобы отказать вам от дома, – наоборот, живите, отдыхайте, – мы очень рады, но... Это все нехорошо, что вы делаете. Вот все, что мы находим нужным, вам сказать, Еще чашечку чаю можно предложить? А вот печеньице... Сама для вас пекла...

Я думаю, что в этом месте читатель уже возмущился, уже полез на стену:

– Что вы нам такое расписываете?! Что это за глупая, неправдоподобная, кошмарная история?! Где это было? когда? С кем могло это быть?!

Читатель! Если ты такой же честный, как я, и если мы прямо взглянем друг другу в глаза, ты поймешь меня!!

У нас есть коллективная семья Маниловых: это Совет Рабочих и Солдатских Депутатов и наше коалиционное Временное Правительство. И у нас есть свой Ердацагин – неряшливые развязные парни с небритыми лохматыми сердцами, приехавшие в гости к этим сахарным розовощеким Маниловым, развалившиеся у нас в России, положившие ноги на стол и поучающие несчастных малых сих – еще крохотных и сопливых Алкивиада и Фемистоклоса:

– Не подчиняйтесь Временному Правительству, хоть будь это раскоалиционное, раздемократическое! Берите все, грабьте, хватйте за горло! К чорту дисциплину! Солдаты, братайтесь с немцами, к чорту начальство, к дьяволу порядок! Ой, жги, жги, жги, говори! Теперь настало время: чего твоя нога хочет, да здравствует твоя замечательная, прекрасная мозолистая

нога! Ко всем чертям Учредительное Собрание, когда-то оно еще будет, а теперь свергайте Правительство и бери, хватай что каждому нужно!

"Да здравствует Германия!" – этот плакат красовался на вокзале, когда встречали вторую партию "эмигрантов". И что же, был арестован немцелюбивый плакатоносец? Нет? Когда Керенский спросил об этом, ему ответили: "Не могли арестовать, ибо он член Исполнительного (?) Комитета".

Гадко! Противно!

Мы, сатириконтцы, заслужили право говорить с любым правительством резким прямым языком, заслужили тем, что до революции с заткнутым ртом и связанными руками все-таки кричали девять лет о русских безобразиях и не боялись ни конфискации, ни арестов, ни лишения нас свободы.

Так неужели мы теперь побоимся исполнить свой гражданский долг и бросить в лицо Временному Правительству и Исполнительному Комитету С. Р. и С. Депутатов простые человеческие слова?

– Стыдитесь! Вам народ вручил власть – во что вы ее превратили?! Всякий хам, всякий мерзавец топчет ногами русское достоинство и русскую честь, – что вы делаете для того, чтобы прекратить это?! Вы боитесь, как чорт ладана, насилия над врагами порядка, над чертовой анархией, так знайте, что эта анархия не боится насилия над вами и она сама пожрет вас.

Я весь дрожу сейчас от возмущения и негодования, я знаю, что, может быть, со мной будет от горя, стыда и отвращения истерика, когда я кончу этот фельетон, но я скажу вам прямо и открыто:

– Довольно мямлить! Договаривайте все слова! Ставьте точки над "i". Вам нужна для спасения России диктатура – вводите ее! И если Керенский для порядка прикажет повесить меня первого – я скажу: вешайте, если это нужно. Но я требую: схватите властной рукой за шиворот и выбросьте вон из России всех, кто развращает армию, подстрекает устно и письменно малосознательный народ, кто губит всю Россию!..

Вышвырните, а не сюсюкайте, состроив маниловскую сахарную мину: "Ах, нехорошо губить Россию, ах, постыдитесь, товарищи!.."

На вас идет тигр, не карабкайтесь на трибуну, чтобы сказать ему ряд прекрасных звучных слов о задачах пролетариата и о недопустимости насилия.

Временное Правительство и Исполнительный Комитет! К вам я обращаюсь и вам я хочу рассказать такой факт: на Литейном проспекте, на линии трамвая остановился пьяный солдат и, растопырив руки сказал: "Почему трамвай тут ходит? Не пущу". Понятно, трамвай остановился, и, когда уговоры сойти с рельс не помогли, – позвали милиционера.

– Товарищ, сойдите с рельс.

– Что-о? П-шел! Не пущу вагона! Желательно мне тут стоять.

– Но ведь это беспорядок. Товарищ, прошу вас сойти.

Пьяный с хитрой улыбочкой качал головой и тупо повторял одно только слово:

– Н-нет!

И когда кто-то из толпы крикнул:

– Да стащите вы его – за шиворот!

Милиционер благоговейно возразил:

– Мы не для того завоевали свободу, чтобы применять насилие над свободными гражданами.

И вот от милиционера до министра этот принцип пропитал собой всю власть:

– Насилие над свободными гражданами недопустимо!

Верно! Над гражданами! А над опьяневшими, обезумевшими животными?

Власти! Власти!

Дайте нам сильную власть!

И если вся Россия затрещит от этой власти, и слава Богу.

Это хороший треск! Так трещат кости у человека, который сладко потянулся перед тем, как засесть за долгую работу.

Министры! Жестким кулаком сотрите со своего лица сахарную маниловскую мину, пусть будет грозен и величествен лик ваш. Мы, весь русский народ, облекли вас властью – сметайте все гнусное, вредное для дела свободы на своем пути!